

ХИМЕРА

Стася Мэл

Стася Мэл

Химера

«Автор»

2023

Мэл С.

Химера / С. Мэл — «Автор», 2023

По столице ползут страшные слухи – кто-то похищает детей. Юный Джеймс не придает им значения до тех пор, пока не пропадает сестра. А под Холмом гремят балы. Феи и фэйри веселятся, не до веселья только Фоке, чья сестра не вернулась домой. Смогут ли смертный и фея объединиться, чтобы спасти своих близких?

© Мэл С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Стася Мэл Химера

Глава 1

«Это случилось! Наконец-то это случилось! Спустя месяцы бесплодных экспериментов, провальных попыток – у меня получилось! Пишу эти строки, и руки недостойно дрожат... Но обо всем по порядку.

Итак, сегодня утром я приступил к стандартной операции. Я следовал своему обычному плану: подготовил инструменты, сосуды для крови, тщательно очистил поверхности карболовой кислотой, нанес мазь на глаза. Потом занялся образцами: указал их пол и приблизительный возраст, описал внешность и особые черты. И приступил к операции.

Ее ход не отличался от предыдущих, но результат! Впервые акцептор не погиб после окончания манипуляций, более того – он проявил способности! Очнувшись, взорвал несколько колб с фрагментами конечностей и тканей! К сожалению, спустя несколько часов образец умер, но я считаю этот эксперимент успешным. Во-первых, смерть наступила не во время и не сразу после операции. Во-вторых, способности это не привилегия. Я получил прямое подтверждение моей теории, я в ней совершенно уверен, и мне не терпится продолжить работу! К сожалению, сначала придется дождаться новых образцов...

После ужина я займусь вскрытием тел и привлеку к этому Персиваля. Должна же от него быть хоть какая-то польза!»

Джеймс Лэмб

Утро выдалось промозглое. С затянутого не то тучами, не то дымом неба лился серый свет, который не разгонял темноту, а словно обесцвечивал ее. Несмотря на ранний час, улицы города жили своей жизнью. В мусоре копались крысы, торопясь урвать еще кусочек, прежде чем скрыться в норах до следующей ночи. Старый ноккер шел вдоль домов – бам! бам! бам! – длинный шест ударялся в закрытые ставни, лишая сна даже тех, кому вставать было рано. Джеймс приподнял шляпу, здороваясь со стариком. «Будь вежлив!» – учила матушка, и Джеймс слушался. Холодный ветер тут же унес из-под шляпы все тепло, оставил на волосах капли противной мороси, а человек-будильщик даже не кивнул в ответ. Джеймс поглубже втянул голову в плечи, пряча в колючем шерстяном шарфе лицо, и убрал руки в карманы ношеного пальто. Знакомые улицы остались позади, теперь он шел по скользкой брусчатке «чистого» района, а значит жертвовать теплом и приветствовать никого больше не придется.

Впрочем, чистым район был только на словах. Не трущобы, но грязи и тут хватало: лошадиный навоз, гнилые овощи, какие-то тряпки, лужи – Джеймс обходил то одно, то другое, стараясь не столкнуться с работягами и клерками. Пару раз его чуть не спихнули прямо под копыта лошади, и оба раза кэбмены обливали его руганью, а колеса их экипажей – брызгами. «Смотри куда прешь, раззява!» – орал один, «Глаза разуй, щенок!» – замахивался кнутом другой, и Джеймс с тоской вспоминал свое скромное, но такое теплое и безопасное жилище.

Две комнаты с общей печкой. Первая, где семья готовила и ела, а мать работала, отшивая рубашки, и вторая – спальня. Там стояли две кровати, стол, пара стульев, кресло и книжный шкаф. Она больше походила на то место, которое Джеймс до сих пор считал своим домом. Окруженное маленьким уютным садиком здание в два этажа с резной дверью, витражным окошком на чердаке и солнечными зайчиками на полированном полу. Этот дом отняли у Джеймса, но воспоминания у него никто не отнимет. И пусть матушка говорит, что жить про-

шлым неправильно. Неправильно – сдаваться. Так думал юный Джеймс Лэмб, проскальзывая в дом сапожника с черного хода.

Хозяева уже не спали. Мистер Коплин убирал со стола мисочку с молоком, миссис Коплин скептически за этим наблюдала, поджав тонкие губы. Дальнейший спор Джеймс мог рассказать еще до его начала. Он повторялся каждое утро и касался «глупой» – по мнению миссис Коплин – суеверности ее мужа. Тот не уходил спать, не оставив на ночь мисочку с молоком или сливками. Кошки у супругов не было, и угощение предназначалось брауни.

– Джеймс! – окликнула парнишку миссис Коплин, поворачиваясь к нему. От движения руши на ее чепце угрожающе закачались. – Разве ж правильно это, переводить сливки на едуку безделицу?

Джеймс кинул быстрый взгляд на сапожника, который, вопреки обыкновению, ссору продолжать не стал и скрылся за дверью в свою мастерскую. Мистер Коплин ответ не услышит. Зато услышит кое-кто другой. Существо выглянуло из-под стола, мигнуло огромными желтыми глазами, в которых, казалось, совсем нет зрачков, почесало заросшую бурой шерстью макушку, и растянуло широкий рот в улыбке.

Миссис Коплин фэйри не видела и в них не верила. Мистер Коплин – не видел, но верил. А Джеймс и видел и верил. Как тут не поверишь, когда брауни сидит в комнате и смотрит на тебя, ожидая ответа. Правильного ответа.

Парнишка отвел взгляд от волшебного существа, с трудом сглотнув, подтянул к себе рабочий чемоданчик. В нем лежали складная подставка, гуталин, три разные обувные щетки и гордость Джеймса – бархотка для полировки ботинок. Такая была далеко не у каждого мальчишки, что чистил обувь богатых джентльменов и их леди!

– Я к кому обращаюсь, мальчишка! – напомнила о себе миссис Коплин.

– Простите, мэм. Не могу с вами согласиться, мэм. Матушка учила, что не стоит сомневаться в действиях наставника.

В комнате стало тихо-тихо. Брауни коротко хохотнул и вразвалочку направился куда-то в глубь дома, а может и дальше. Кто их, Добрых Соседей, разберет?

– Ох ну и плут! Знаешь же, как отбрехаться! – миссис Коплин неожиданно тепло улыбнулась, и рука ее дрогнула, будто бы она хотела погладить Джеймса по вихрастой русой голове. – Иди уж!

Парнишка с облегчением подхватил свой чемоданчик и поспешил прочь, тем более, что время действительно поджимало – лучшие и денежные места успевали себе отхватить только те, кто приходил раньше друзей-соперников.

На этот раз не повезло. Джеймс опоздал, и теперь ему предстояло сидеть на углу, без козырька над головой и довольно далеко от входа в модный «Бартенс и сыновья». Магазин пользовался популярностью среди сливок среднего класса – обеспеченных леди и джентльменов, которые стремились во всем походить на аристократию. Уж конечно, их сапожки, туфельки, ботинки обязаны были блистать чистотой! Такие господа за хорошую работу могли заплатить больше, на пенни или полпенни – не важно. Но сегодня они проходили мимо, даже не глядя на Джеймса, а тот смотрел им вслед, вопреки обыкновению не пытаясь привлечь их внимание зазывными кричалками. Просидев полтора часа и не заработав ни фартинга, парнишка решил сменить тактику – через три квартала находилась частная гимназия. В ней учились те, кому не хватало родовитости и денег на Ноллджтаун или Ноднол-колледж, зато хватало на все остальное. Занятия начинались в девять, и Джеймс решил попытать счастья там – и учителям и студентам чистые ботинки не помешают, тем более в такую-то погоду!

Местечко у ворот гимназии «Миль Энд» пустовало, а едва парнишка подготовил чемоданчик, как подошел первый клиент. За ним второй, третий, четвертый... Джеймс чистил обувь профессорам, важным джентльменам, которые, впрочем, не говорили ему ни «здравствуй», ни «спасибо», и их ученикам, которые может и были ровесниками Джеймса, но стояли

так высоко на социальной лестнице, что и не разглядишь. Поэтому парнишка просто делал свое дело. Механически. Душа и мысли его унеслись в то время и то место, где он был счастлив – учил с матерью и братишкой грамоту, собирал в саду поспевшие яблоки, сидел у камина с книгой...

– Ай!

Ботинок неожиданно поднялся и резко ударил по пальцам. Боль пронзила руку до локтя, и Джеймс выронил соскользнувшую щетку, вскинув глаза на клиента.

– Я с тобой говорю, паразит! – над Джеймсом стоял один из студентов гимназии.

Бронзовые пуговицы его форменного пальто ярко блестели даже в тусклом свете ноднолского утра. Они были первым, что заметил Джеймс. Потом шла трость, которую гимназист, кажется, собирался пустить в ход, и только потом лицо – с тонким аристократическим носом, ровно посаженными карими глазами и бледными, презрительно искривленными губами. Слева на щеке темнело аккуратное пятнышко родинки. В груди Джеймса вскипела ярость, эмоции грозили разорвать его, если он сейчас же не даст сдачи, не ответит грубостью, не сделает хоть что-то, но он лишь потупился и выдавил: «Простите, сэръ».

– «Простите, сэръ», – пискляво передразнил парнишку студент, – медленно работаешь, поэтому платы не получишь! – с этими словами гимназист взмахом трости снес разложенные на подставке щетки и баночки с ваксой, развернулся и преспокойно двинулся к дверям «Миль Энд».

Джеймс проводил его взглядом. У входа стояла группка учащихся и один из преподавателей. Никто не сделал обидчику замечание, никто даже не посмотрел осуждающе. Только улыбались, а один даже хлопнул гимназиста по плечу, словно в одобрение. Джеймс сглотнул горькую от ненависти слюну и принялся собирать раскиданные вещи. Хватит на сегодня чистки! «Сейчас поем, а потом к мистеру Коплину – помогать», – решил парнишка. Но мысли о еде, печеной картошке или истекающей жиром рыбке прямо с жару, не улучшали настроения. Не хотелось и гнуть спину у сапожника. Ради чего? Чтобы покупать на жалкий пенни уголь для комнатухи в трущобах, пока такие вот гимназисты лупят его по пальцам? По какому праву?! Чем они лучше?! В них ни капли крови эльфов, они даже не видят волшебство, в отличие от самого Джеймса!

У них просто. Больше. Денег.

Джеймс яростно пнул гнилую картофелину и ускорил шаг. Больше не больше, а если не закупить угля – матушка и малышка Юфи замерзнут и простынут, если какую-нибудь лихорадку не подхватят. Их семья уже потеряла одного из детей, и Джеймсу до сих пор снилось бледное до синевы личико брата, его тонкие сжавшиеся пальцы и приоткрытые губы. За неделю до этого матушке не заплатили за сшитые рубашки, и Лэмбам не хватило на оплату комнаты – ночевать пришлось на улице, вот малыш и заболел. А если бы заплатили... Джеймс остановился и пересчитал монеты, хватало и на уголь и на еду, но не на жилье. Перед внутренним взором вспыхнули бронзовые пуговицы на дорогом пальто, и парнишка сжал кулаки. Из-за таких и погибают невинные дети!

«Хотел бы я отомстить, – думал Джеймс, протягивая плату за две картофелины и устриц. – Лишить этого щеголя дома, выкинуть его на улицу, чтобы он чистил ботинки, а кто-нибудь пытался отравить ему пальцы лишь за то, что он медленно работает! Посмотрел бы я на него тогда!» Мечты об отмщении захватили Джеймса настолько, что он не заметил, как умял весь свой обед и дошел до дома сапожника. Зайдя внутрь, он пристроил чемоданчик туда, откуда взял его утром. С перекладины под потолком свесился брауни, одобрительно хмыкнул.

– Как день, малыш Лэмб? – поинтересовался фэйри.

Джеймса раздражало, когда его называли «малыш». Ему четырнадцать! Но с волшебными созданиями спорить – себе дороже.

– Бывало и лучше, – буркнул он в ответ.

– Бывало, бывало, – эхом повторил брауни и исчез.

Что все это значило Джеймс не понял, впрочем, весь его небогатый опыт общения с волшебным народцем сводился к тому, что он был непонятным. Фэйри задавали загадки без разгадок, пытались завести его в чашу или как сейчас – говорили какую-нибудь общую фразу и исчезали. Когда Джеймс был ребенком, Добрые Соседи казались интересными, но сейчас парнишка старался избегать общения с ними – все равно ничем не помогут, а то и хуже сделают. Матушка рассказывала много сказок о том, как фэйри обманывали детей и взрослых, лишая их самого дорогого в обмен на какую-нибудь безделицу. С другой стороны, «избегать» – сильное слово. Когда Лэмбы жили в маленьком живописном городке, окруженном полями да холмами, фэйри почти не было видно, а уж теперь, в Нодноле – тем более. Только вот брауни...

Сапожник нарезал заготовки для каблука, когда Джеймс зашел в мастерскую. Эта комната нравилась парнишке больше всего: тепло, сухо, тихо, пахнет кожей и воском. Можно работать, полностью погрузившись в свои мысли. Единственный минус – прямо за стенкой находилась гостиная, а стены тонкие, и если в гости к миссис Коплин приходила соседка, то Джеймс слышал каждое слово. Так получилось и в этот раз.

Сначала раздался шорох платьев, потом звон чайных чашек, а потом тяжкий вздох. Два раза хлопнула дверца шкафа, видимо, миссис Коплин достала из него что-то к чаю. Заскрипели по полу ножки стульев и вновь зашуршали юбки – дамы расселись.

– Какая погодка сегодня, совсем ненастная, – традиционно начала соседка.

– И не говори, – согласилась с ней миссис Коплин под звуки разливаемого в чашки чая. – Уж какой ветер холодный!

– Точно-точно! – подхватила соседка. – Может поэтому малышка Мэри сегодня не явилась?

– Малышка Мэри? Та, что водяной кресс продает? Зеленщица?

– Да-да! – Джеймс ясно представил, как дама закивала. – Я каждое утро покупаю у нее свежую зелень. Во-первых, она без гнили приносит, во-вторых, дешевле, чем у других на рынке. И вот сегодня, представляешь, прихожу, а Мэри нет!

Женщины замолчали, слышалось лишь как они прихлебывают горячий чай, да монотонно работает мистер Коплин.

Джеймс помнил Мэри. Маленькая, закутанная в драные шали фигурка, стоящая у самых ворот с пучками яркой зелени – и в жару, и в холод, и в дождь. Обратный путь домой у него лежал через рынок, а девочка всегда оставалась допоздна – даже если удавалось распродать весь товар, она помогала торговцам за небольшую плату. Прошлой зимой Джеймс купил домой горячих пирожков с потрохами, но увидев Мэри, бледную, с кругами под глазами и посиневшими от холода ручками, похожими на худые птичьи лапки, отдал ей свою порцию...

Даже его жизнь была лучше, чем у нее.

– А знаешь, – прервала молчание миссис Коплин, – я слышала, что дети пропадают.

– Среди бедноты все время кто-то пропадает, – равнодушно заметила соседка. Джеймс услышал, как она скрипнула блюдцем с чашкой по столу, подвигая его ближе к миссис Коплин. – Но я надеюсь, что Мэри все-таки вернется. У нее лучший кресс! Не хотелось бы в два раза больше за гнилушки отдавать!

Джеймс стиснул зубы и сильнее нужного надавил на нож, криво отрезав заготовку. «Значит вот оно как? – пронеслась яростная мысль. – В два раза больше за гнилушки отдавать не хочется! Лицемерная, равнодушная, гадкая...» Джеймс раз за разом надавливал на нож, кромсая несчастный кусочек кожи и не замечая этого. Зато заметил мистер Коплин. Он положил ладонь на руку Джеймса, останавливая, и покачал головой.

– Простите, – буркнул Джеймс. Он взглянул на безнадежно испорченную заголовку и повторил уже с искренним раскаянием. – Простите.

Мистер Коплин понимающе кивнул, и оба вернулись к работе. Парнишка постарался полностью сосредоточиться на том, что он делает, чтобы больше не отвлекаться на разговоры за стеной, и у него получилось. Сначала какие-то обрывки фраз все-таки долетали до него, что-то про чаепитие в парке, воскресную службу, Общество борьбы с пьянством, но постепенно Джеймс ушел в себя. Как и утром, его руки делали привычную работу, но разум в этом не участвовал.

Часы летели незаметно.

– Ну, хватит на сегодня, – произнес сапожник, когда стемнело настолько, что пришлось зажигать свечи.

Из кухни уже тянуло стряпней – вареным картофелем и чем-то мясным, – и от этих запахов в животе у Джеймса тоскливо зануло. Он проголодался, и сильно, а до дома и ужина предстояло преодолеть путь по промозглым зимним улицам.

– Хорошо, сэр, – парнишка отложил кусочек кожи с которым работал в сторону и поднялся. – Хорошего вечера, мистер Коплин.

– Постой, – тот тоже встал и пояснил, – денег тебе заплачу, за неделю.

Джеймс нахмурился, а потом просиял: «Точно! Сегодня же суббота!» Каждую неделю, перед выходным днем сапожник выдавал ему два шиллинга, и как можно было забыть об этом?! Парнишка поднял голову и увидел брауни, тот сидел на потолочной балке и шурил желтые глазщи, загадочно улыбаясь. Поймав взгляд Джеймса, фэйри постучал пальцем по голове, а его улыбка из загадочной перетекла в насмешливую. Что он хотел этим сказать? Что забывчивость его рук дело? Или что нужно быть внимательнее к таким важным вещам, как деньги? Джеймс отвернулся от брауни, с трудом удержавшись от того, чтобы пренебрежительно фыркнуть: при этом боялся он не столько гнева или обиды фэйри, сколько непонимания сапожника, ведь тот как раз отсчитывал монетки.

– Осторожнее там, по пути-то, – напутствовал мистер Коплин, закрывая дверь.

Джеймс, уходя, слышал это каждый раз. Летом, когда вечера стояли теплые и светлые, такие слова его раздражали, но выйдя за порог в промозглую темень, парнишка впервые за долгое время почувствовал благодарность. Поднял повыше шарф, поглубже надвинул шляпу, спрятал руки в карманах и поспешил домой.

Рынок уже закрывался – у ворот возился дневной сторож, обматывая толстой цепью прутья створок, рядом с ним топталась дородная женщина. Джеймс пошел медленнее, выискивая среди теней и сумрака знакомую фигурку, но Мэри не было.

– Ну что ты возишься! – донесся до парнишки ворчливый оклик. – Сколько можно закрывать! Опять надрался, что ключом в замок не попадаешь?!

– Да замолчи, женщина! – судя по голосу, сторож действительно принял на грудь. – Не говори под руку!

– Я тебе замолчу! Так замолчу! – яростно зашла она, даже замахнулась, но бить не стала. – Норин еще забрать надо, хочешь чтобы Энн ее на улицу выставила?! Хочешь, чтобы ее труп выпотрошенный в канаве нашли, как той бедняжки днем?!

Джеймс застыл. Слова о трупке ребенка, да еще выпотрошенном, буквально приморозили его к скользкой и грязной брусчатке. Он сразу вспомнил и о Мэри, и о девочках, игравших возле дома, и о сестре. И о слухах про пропавших детей. Может, это и не слухи вовсе?

– Думай, что говоришь, дура! – яростно отозвался мужчина, и ключ звонко провернулся в замке. Проверив надежно ли закрыты ворота, сторож двинулся прочь, а за ним поспешила и его жена.

Джеймс некоторое время стоял, глядя на то место, где обычно торговала маленькая зеленщица, но холодный вечер пробрался под пальто, и парнишка быстрым шагом двинулся дальше. В голове у него крутились мрачные мысли об убитой девочке и пропавшей Мэри.

Фока

Холм гудел. Не успевал отгреметь один бал, как начиналась подготовка к следующему, и следующему, и следующему – иногда ей казалось, что жизнь под Холмом это нескончаемое веселье. Смена нарядов и масок, калейдоскоп ярких цветов, реки вин и медов, искры магии. Но сегодня она пришла не развлекаться – Фола не явилась домой после празднеств. Конечно, сестра не отличалась ни обязательностью, ни ответственностью, любила веселиться, но если обещала, приходила вовремя. Не пропадала на двое суток...

Фока посмотрела на увитую розами арку, под которой проходила дорога к Поляне Веселого Танца. Крупные цветки покачивались на легком ветру, алели на фоне закатного неба, распространяя вокруг себя сладкий аромат. Фея вдохнула его и сморщилась. Она терпеть не могла, когда фэйри Неблагого Двора приводили все в такой вот вид – теплый, яркий, летний, подходящий тем, кто правил под Холмом с Бэллэ Тэйна до Сэммэ Айна. Но королеве нравилось, а значит – подданным не на что жаловаться. Фока еще раз поморщилась и решительно прошла под аркой. Если она планировала попасть на Поляну до начала бала – откладывать не стоило.

Убранство поражало: всюду цветы, переливающиеся ленты, парящие огоньки, фонтаны вина, горы фруктов – медовые яблоки и груши, янтарный виноград, синие, словно ночь сливы, гранаты и многое другое, что Фока видела впервые. На увитом плющом возвышении стояли музыканты; скрипки и флейты разливали над поляной нежную ненавязчивую мелодию, в которую вплетались звонкие колокольчики разговоров присутствующих.

Фея аккуратно шла сквозь пеструю толпу, приглядываясь к волшебным созданиям. Сегодня вечером они не скрывали свои лица – прекрасные, необычные и уродливые; белые, зеленые, серые; с глазами и без, с носами картошкой, палочкой, вообще лишенные носов и многие другие. Но не было никого, похожего на Фолу. Никого с ее невысокой, тоненькой фигурой. Никого, с ее черными глазами, высокими острыми скулами и светлой кожей, цвета болотной ряски. Никого с ее пушистыми волосами, переливающимися словно водоросли в солнечных лучах.

Фока подошла к «стене» – высоким зарослям кустарника – и присела на мшистый валун. Подобных этому вдоль стен располагалось немало, чтобы гости праздника могли присесть, если захочется, но пока желающих не было, разве что фэйри в черном платье. Среди ярких, словно цветы и драгоценные камни, волшебных созданий она выделялась. А еще она удивительно походила на человека – невысокая, светлокожая, со вздернутым курносом носиком. Но она совершенно точно принадлежала Народу Холмов, об этом говорили и золотистые волосы и синие с вертикальным зрачком глаза. Фока видела девушку впервые, поэтому беззастенчиво разглядывала ее, и незнакомке такое внимание не понравилось. Она встала, смерила Фоку неприязненным взглядом и нырнула в толпу танцующих. Это напомнило фее, зачем она явилась на праздник. Но как найти сестру? Даже если она здесь, то можно бродить по поляне всю ночь и не встретить ее!

Пока Фока размышляла и оглядывалась, музыка стихла – на праздник прибыла Королева. Обычно после этого начиналось традиционное представление приглашенных. Распорядитель называл имена, названные выходили из толпы, подходили к трону и кланялись, свидетельствуя свое почтение. Фока и сама не раз оказывалась на их месте, ведь их с сестрой регулярно приглашали на балы. Что ж, если Фола все-таки здесь, то ее объявят. Фея подошла поближе к почетной линии – по прибытии Королевы присутствующие расступились, образовав свободный проход в центре зала. Ближе всего к нему находились те, кому благоволил Двор – родовитые аристократы, талантливые творцы, умелые льстецы. Все они дорожили своим местом и положением, поэтому пробраться дальше третьей линии не получилось, но Фока и так видела дорожку и тех, кто по ней проходил.

Распорядитель объявил уже пятое имя, и пока сестры среди названных не было. Последовало и шестое, и седьмое, и восьмое, счет перевалил за двадцатое, и с каждым шансы услышать нужное сокращались. Наконец прозвучало последнее, двадцать шестое, имя:

– Фэйри Эбигейл Айвз!

После этих слов среди волшебных созданий пронесся шепот. Фока и сама не смогла сдержать удивленный возглас – у одной из Народа Холмов человеческое имя! У той самой незнакомки в черном платье. Она легко и изящно ступала по дорожке, посылая приветливые улыбки то в одну сторону, то в другую, словно все вокруг были счастливы ее видеть. Но Фока видела, что это не так, многие, очень многие смотрели на Эбигейл Айвз неприязненно. Может быть, причина этого крылась в ее имени, может быть в чем-то еще, фея этого не знала.

– Да начнется бал! – возвестил распорядитель, после того как Королева величаво кивнула последней объявленной гостье, и та заняла свое место слева от трона.

Грянула музыка, феи и фэйри пришли в движение, и дорожку смыло приливом танца. Фока выплыла из него с трудом, не обратив внимание на направление, поэтому, отдышавшись, обнаружила себя неподалеку от трона. Королева как раз беседовала с Айвз, но поймав взгляд феи отвлеклась от своей собеседницы:

– Добрый вечер, милая.

– Добрый вечер, ваше высочество, – хрипло поздоровалась Фока и поклонилась.

– Почему твоя сестра не явилась на мой зов и пренебрегла приглашением? – тон звучал приветливо, но фея почувствовала как по спине пробежали мурашки.

Королева недовольна. Фолы здесь нет.

– Я ищу ее, ваше высочество, – взяв себя в руки, Фока еще раз поклонилась и, стараясь ничем не выдать своего смятения, посмотрела на Королеву. – Могу я... продолжить?

Правительница Неблагого Двора молча смотрела прямо в глаза фее, от чего той с каждой секундой становилось все сильнее не по себе. Не сводила взгляда с Фоки и Эбигейл Айвз. Ее взгляд был не менее внимательным, но еще и заинтересованным, она словно бы нашла кусочек мозаики, который встал точно на нужное место и помог приоткрыть общую картину, но вот нравится ли ей эта картина?

– Моя королева? – решила на неслыханное – торопить правительницу – Фока.

– Хорошо, продолжай, – и Королева вновь отвернулась к своей собеседнице.

Фея попятилась назад, а потом развернулась и поспешила прочь, чувствуя, как спину жжет взгляд Айвз.

Но не успела Фока дойти до выхода, как кто-то крепко ухватил ее повыше локтя и увлек в укромный, увитый лозами и плющом уголок. Этим «кем-то» оказалась одна из фэйри – на голову выше миниатюрной Фоки, одетая в платье цвета аметистовых сумерек, в тон глазам, и с убранными в сложную прическу черными волосами. Женщина явно была из аристократии, это читалось на ее надменном лице.

– Я слышала, о чем ты говорила с Королевой, – начала она, – что ты ищешь сестру...

Фока молча кивнула, стараясь не морщиться от жесткой хватки и больно впившихся в кожу ногтей фэйри.

– Я виделась с ней на прошлом балу. Она говорила, что собирается в мир людей.

– Что?! – фея дернулась, и неожиданная собеседница наконец разжала пальцы. – В мир людей? Зачем?!

Фока отступила на несколько шагов. Она представляла себе что угодно: что сестра загулялась, что она сбежала с любовником, да хоть с Дикой Охотой ускакала души смертных забирать! Но мир людей... Это было единственное, чего они избегали уже много столетий, с момента, когда человеческие волшебники победили в войне и заперли эльфов в их мирах-королевствах. Люди отрезали свой мир от Источника Истинного Волшебства, и Народ Холмов стал узвзим. Особенно, феи, связанные с ним не только магией, но и жизнью.

– Я не знаю, – фэйри пожала плечами, – Фола говорила что-то о каком-то парке... – она задумчиво поджала алые губки и нахмурилась, вспоминая, – одним из тех, что остались на месте наших древних лесов!

– Понятно, – негромко отозвалась Фока, таких мест – по пальцам одной руки пересчитать, и все они в Нодноле.

Ситуация фее не нравилась. Она была пугающе неправильной. Начиная от того, что сестру вообще понесло к людям, заканчивая помощью этой фэйри. С чего бы ей вообще это нужно? В чем ее выгода?

– Знаешь, сразу после окончания войны, моя младшая сестра нарушила запрет, – словно в ответ на мысли Фоки произнесла она. – Ушла к людям.

Фея смотрела на собеседницу, ожидая продолжения, но та молчала, глядя перед собой пустым взглядом. Наверное, вспоминала.

– Она не вернулась, – наконец продолжила фэйри, и голос ее дрогнул, – потому что я опоздала. Но у тебя есть шанс, поэтому я поделилась тем, что знаю.

Фока кивнула и собралась уйти, но фэйри снова поймала ее за руку, заставляя обернуться:

– Не трать время попусту, – сказала она и разжала пальцы.

Фока выбралась из закутка и огляделась, ей показалось, что за углом мелькнул краешек черного платья. «Эбигейл Айвз? – подумала фея, но тут же решительно себя одернула, – Никаких глупостей! Сейчас важно найти сестру!» И все-таки думать об этом было проще, чем делать. Фока почти дошла до арки, ведущей на поляну, но все еще не сделала выбор. Она боялась идти в мир людей, боялась всего, с чем там можно столкнуться: и смертных, и их изобретений, и железа, и больше всего – собственной слабости. Вокруг будут только враги, а Фола... где она вообще может находиться? Фея в нерешительности замерла перед аркой, стараясь дышать поуже, чтобы не вдыхать приторный аромат цветов. «Что ж, начну с парков...»

Мир людей поражал. Едва ступив на чуть подмороженную землю, усыпанную жухлой листвой, Фока закашлялась. Горький, пропитанный дымом и гарью воздух забил легкие, и фее показалось, что теперь они изнутри покрыты жирной черной пленкой. И это в парке! Среди высоких деревьев, не одно столетие защищавших эту землю, и тех, кто на ней живет. Не все фэйри и феи ушли Под Холм, некоторые жили скрываясь или перебрались на границу – Третью Дорогу, мир между мирами, способный вывести того, кто знает куда идти и в Волшебную Страну и к смертным. А может быть и дальше... Фока не знала. Она любила безопасность, свой пруд, свою семью и не собиралась рисковать, живя на границе или отправляясь в мир людей. До этого дня.

Фея огляделась: деревья облетели, но вязкий туман мешал разглядеть, что вокруг. Никаких следов рядом не было – ни волшебных ни обычных – но кое-что привлекло внимание Фоки. Маленькая свечка у корней раскидистого дуба. Ее закидали листвой, но кусочек красного воска выглядывал из-под нее, притягивая взгляд. Фея подняла с земли длинную палку и ткнула в свечу, опрокидывая ее.

Дза-н-нг!

Тонкий звук вгрызся в уши, от него занули суставы, и заложило нос так, что переносица заболела. Фока выронила палку, схватилась за голову, но чувства боли и неудобства схлынули, едва начавшись. Приглядевшись, она увидела, что листва вокруг свечки выгорела.

– Что здесь вообще происходит? – потрясенно выдохнула Фока. Одно было ясно точно – что бы ни происходило, оно направлено против волшебного народа, а значит черноволосая фэйри права – Фола в опасности.

На обход всего Грин-парка фея потратила несколько часов. Она не нашла следов сестры, но вместо этого наткнулась еще на несколько красных свечей. Как и первая, они были скрыты листвой, но в этот раз Фока не стала к ним приближаться или пытаться сбить на землю, памятуя о первом опыте. «Они нужны, чтобы дезориентировать фей или фэйри, – размышляла Фока, отправляясь к следующему парку, на этот раз Гринвичскому. – Но зачем?» Вывод напрашивался только один – чтобы поймать. И снова возникал вопрос «зачем?»

Окруженная гламором, скрывающим ее от людей, Фока скользила по улице, разглядывая все вокруг: темные дома, экипажи, дам и господ в странной одежде, совсем не похожей на то, что видела когда-то фея. Мир смертных изменился. Меньше зелени, больше зданий. К затянутому низкими облаками небу тянулся целый лес чадающих черным дымом труб. Грязная брусчатка, скользкая от дождя, скрывала землю. Город выглядел больным, разбитым и мрачным. Это впечатление ослабело только тогда, когда Фока дошла до парка. Он казался оазисом жизни, среди мертвого камня, и его окружал забор из кованого железа. За забором виднелись раскидистые дубы, стройные липы и клены. Их стволы потемнели от влаги, и в воздухе висел терпкий аромат мокрой древесины. Фея вдохнула его полной грудью, и даже горький привкус жженого угля не смог испортить ей удовольствие. Было и то, что смогло – проходя в ворота, даже не касаясь кованых завитков и решеток, Фока почувствовала, как от слабости у нее подкосились ноги. «Проклятое железо!» Ощущение быстро прошло, но близость природы уже не радовала, фея не сомневалась: кто-то осквернил и это место ловушками на волшебных созданий.

Люди в парке встречались не часто. Возможно, виной тому ранний час, возможно, что-то еще, но за время блужданий среди аллей и полянок, Фока насчитала не более пяти человек. Все они, тепло одетые, шли по самым широким, центральным аллеям. Единственным и шестым по счету, кого фея увидела в глубине парка, более того – прячущимся среди кустов – оказался мальчишка-оборванец. Старая шляпа, шарф грубой вязки, поношенное пальто и стоптанные, но удивительно чистые ботинки. Вряд ли облетевшие ветки бересклета могли скрыть его полностью, но их густое переплетение, усыпанное подвесками алых ягодок, давало хотя бы видимость защиты.

Фока подошла поближе, с опаской разглядывая человека, и неожиданно заметила кое-что еще. Ловушку для фей. Крохотную клетку, искусно замаскированную, практически не отличимую от плода бересклета. В ягодах любили прятаться феи, предпочитающие этот кустарник. Мальчишка сидел прямо перед ней. Видел ли он ловушку? А если видел, то что это значит? Фока знала, что среди людей есть те, кто может увидеть волшебное создание, но то были синеглазые аристократы. Еще до того, как война разрушила дружбу смертных и Народа Холмов, они породнились с фэйри и эльфами, получили волшебство по праву рождения. Этот оборванец никак не мог быть из такой семьи! Правда, сокрытое видели и те, кто родился в полночь в Сочельник...

Пока фея размышляла, на дорожку выбежали еще трое. На вид вряд ли старше спрятавшегося мальчишки, они выглядели куда приличнее: теплые пальто с эмблемой-нашивкой на груди, выглаженные брюки, черные шляпы, у каждого трость.

– Думаешь, он сюда свернул? – негромко уточнил один из них, с родинкой на левой щеке. Несмотря на то, что парень был ниже своих товарищей, он явно их возглавлял.

Его компаньон кивнул и огляделся:

– Уверен. Давай проверим вон те кусты.

Главарь повернулся в том направлении, где прятался мальчишка, и губы его дрогнули в усмешке. Нехорошей усмешке. Предвкушающей. Будто бы он получил куда больше, чем ожидал. От этого взгляда по спине и рукам Фоки побежали мурашки, она торопливо окутала себя

плотным гламором, таким, сквозь который сможет посмотреть только другое волшебное существо. Долго в таком не проходишь, полный железа и дыма мир смертных тянул силы, как обезумевшая пиявка, но пока тут был этот человек, стоило поберечься.

– Выходи, паразит, – произнес он, и фея заметила, как пальцы оборванца сжались в кулаки. – Иначе мы тебя вытащим, и одной чисткой ботинок не отделаешься. Ну же, ты пришел в наш парк и не заплатил за это, так отработай!

Мальчишка выпрямился, вздернул подбородок и выбрался из бересклета на аллею. «Наверное, понял, что отсидеться не получится», – подумала Фока, наблюдая, как он медленно приближается к тройке преследователей.

– Это. Общий. Парк. – отчеканил оборванец, подойдя почти вплотную к главному, а потом резким и быстрым движением ударил его прямо в скулу.

Но драка закончилась, не успев начаться. Раздались свистки, слышав которые, все мальчишки бросились врассыпную – кто прямо, кто налево, кто направо, а оборванец обратно к кустам. Он сорвал с ветки плод-ловушку, из-за чего задержался, и мужчина в шлеме с восьмиконечной звездой решил, что проще преследовать именно его. Но паренек оказался не промах, бегал он быстро, и пока смертный пробирался через бересклет, преодолел поляну и был таков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.